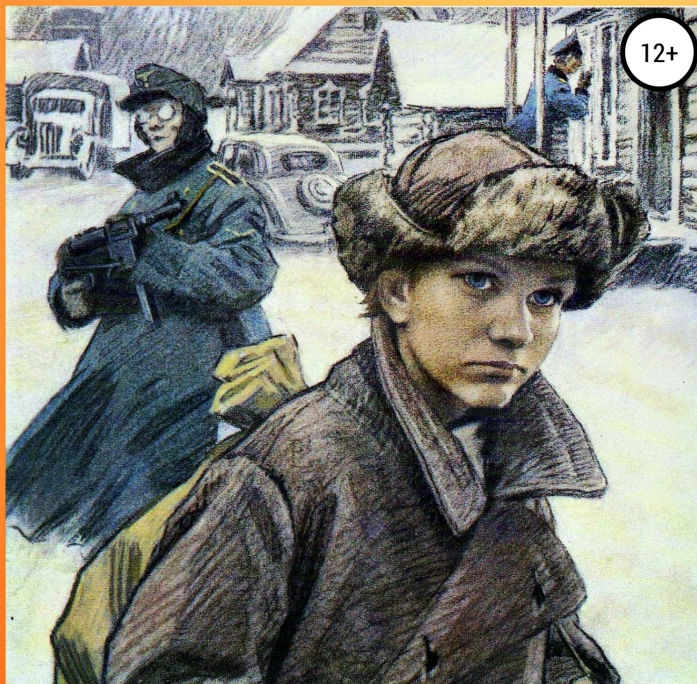

**АЛЕКСАНДР МАКАРОВ
ГЕРДА КУИНН**

**ПОВЕСТЬ
О САШКЕ**

Александр Макаров

Герда Куинн

Повесть о Сашке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35172942

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-9395-9

Аннотация

Предвоенное время. Девочка Саша растет в обычной ленинградской семье и увлекается химическими опытами. Она учится, ходит на пионерские сборы, играет, помогала взрослым. Но на ее хрупкие плечи ложится страшное бремя невзгод, горечь военных лет. Испытания не согнули ее, а лишь закалили характер. Она проявляет смекалку и выдержку, а порою лучше, чем взрослые, решает весьма не простые проблемы. Оченьгодились девочке в блокадном Ленинграде, а потом и в партизанском отряде – знания химии. Исторический ретро-детектив посвящен тем не простым годам и памяти тех, кто погиб совсем молодыми.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	48
Глава 8	56
Глава 9	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Глава 1

Из-под двери показалось какое-то темное пятнышко. Сашка, хотя и стояла, опустив глаза вниз, все равно не сразу его увидела. А когда заметила, не сразу поняла, что это кровь.

"Откуда кровь? Их же уже увезли" – подумала девочка и сама удивилась, почему ей совсем не страшно. Она стояла перед столом, за которым сидел седой милиционер. Другой милиционер помладше, стоял рядом. Это был постовой с соседней улицы, который так долго не соглашался идти с ней на почту. У того, что за столом в петлицах были три прямоугольника, на рукаве вышитый овал с мечом, серпом и молотом в центре. Сашка пыталась вспомнить, как называется его звание, но все они отчего-то напрочь вылетели из ее головы. Было понятно, что это не простой милиционер, а офицер и начальник.

– Так для чего ты пришла на почту? – спросил офицер.
– Отдать ключи тете.
– Отдала ключи и ушла?
– Нет, я отдала ключи, и тетя пошла домой. А почтальон тетя Даша, попросила меня сбегать в магазин, где одежду продают, посмотреть есть ли там очередь.

– Какая очередь?

– Там должны были рубашки привезти.

– Понятно. И ты, значит, прямиком пошла в магазин?

– Да. Заняла очередь и пошла к тете Даше сказать, что рубашки привезли.

– Вернулась. Зашла на почту, что потом?

– Нет, не так. Я пришла, а почта закрыта. Я начала стучать. Долго стучала. И мне открыл какой-то дяденька.

– Дяденька? Ты его знала?

– Нет.

– А как он выглядел? Сколько ему лет?

– Обыкновенно выглядел – в кепке и пиджаке. А лет не знаю сколько. Может тридцать, а может сорок.

– Это он пустил тебя на почту?

– Нет, он просто приоткрыл дверь и сказал, что сейчас обед.

– А ты?

– Я сказала, что знаю. Но я заняла очередь для тети Даши.

– И тогда он тебя впустил внутрь?

– Да нет же, нет, – Сашка занервничала – "От чего этот с петлицами не понимает ничего".

– Ты девочка не волнуйся, рассказывай все по-порядку, – попытался подбодрить ее милиционер помладше.

– Так я и говорю, что я собралась уже идти домой, но потом подумала: "А как тетя Даша узнает, за кем я для нее очередь заняла?" и тут услышала два хлопка.

– Какие хлопки?

– Как будто деревянной линейкой по парте со всей силы

ударили.

– И что же?

– Постояла еще, постучала. Потом вспомнила, что сзади во дворе есть вторая дверь, к которой машины с почтой подъезжают. Думала, может они там почту выгружают, или еще что делают. Пошла туда. Дверь была открыта, я вошла...

Тут нервы Саньки не выдержали, и она разрыдалась, и уже через слезы выдавила:

– А там в комнате лежит тетя Даша и вторая почтальонша. В этот момент в помещение ворвалась тетя Люся.

– Что здесь происходит? Что случилось?

– Вы начальник почтового отделения? – спросил офицер.

– Да, я.

– Эта девочка ваша племянница?

– Да.

Милиционеры переглянулись.

– Ты девочка, можешь идти домой. Но запомни – никому ничего о том, что здесь произошло, не говори.

– Что, даже маме не говорить? – спросила Сашка сквозь слезы.

– Даже маме.

– А тетя? Когда вы ее отпустите?

– Она тоже скоро придет.

Сашка прижалась к тете Люсе. Потом ладонью вытерла глаза и поплелась домой.

А начался этот день, вполне обыденно. С утреннего теле-

фонного звонка.

– Кто звонил? – спросила Сашка, перевернувшись в кровати на бок.

– Спи еще, это тете Люсе с работы, – ответила ей мама, позвякивая тарелками, которые ставила на стол.

– Мне спать совершенно не хочется.

– Ну вот, лето, каникулы, самое время отдохнуть, понежиться...

– Абсолютно не хочу спать.

Мама – Марина Сергеевна, удивленно подняла брови. Сначала от дочки она слышит слово "совершенно не хочется", теперь та произносит "абсолютно не хочу". Раньше Санька так не говорила. Что это? Трудный подростковый возраст? Марине Сергеевне и невдомек, что возраст тут ни при чем. Просто ее любимая младшая дочка трижды посмотрела фильм "Девушка с характером", дважды "Воздушную почту" и другие киношки о самостоятельных и волевых советских девушках, и старательно копирует их манеру поведения.

– А вот брату твоему действительно пора вставать, – говорит Марина Сергеевна.

– Ага. Сейчас я Костю разбужу, – отвечает Санька тихонечко пробираясь к брату.

Тихонечко это потому, что закуток за шкафом где стоит кровать брата превращена им в химическую лабораторию. Не дай бог там что-то задеть, а тем более разбить. Малю-

сенький столик и полки на стене заполнены колбами, ретортами, пробирками, пузырьками и коробочками с химреактивами. Костя добывал это богатство правдами и неправдами, что-то покупая в аптеках, что-то выпрашивая у матери, которая работала на хлебозаводе в лаборатории. Да на Ленинградском хлебозаводе № 2 есть настоящая лаборатория, ведь процесс выпечки хлеба это настоящее таинство и начинается оно с определения качества, полученного хлебозаводом сырья. Знания химии помогают сделать хлеб вкуснее, а булочки пышнее. Сашка несколько раз была на хлебозаводе у Марины Сергеевны и прямо влюбилась в ряды пробирок в лаборатории, и белые халаты сотрудниц. Видимо любовь к химии у их семьи в крови. Ведь и Костя занимается на втором курсе химико-технологического техникума. Сашка успела побывать и в техникуме, но там ничего интересного она не увидела. В лабораторию ее не пустили, аудитории конечно были побольше, чем школьные классы, но они ее не впечатлили. Даже портрет Дмитрия Менделеева, имя которого носил техникум, собственноручно написанный и подаренный учебному заведению вдовой ученого, не произвел впечатления на девочку. Портрет, как портрет. Вот если бы в техникуме кругом стояли колбы с трубками, в них бы булькали разноцветные жидкости, было бы здорово!

– Вставай, засоня, – на распев пропела Сашка и стоящие на полках пробирки отозвались ей легким звоном.

– Сейчас, сейчас, – пробормотал Костя, обнимая подуш-

ку.

– Ты какой вчера вечером фильм смотрел?

– Отвяжись.

– Ну, скажи.

– "Истребители" – называется.

– Хороший?

– Хороший, но ты его не поймешь.

– Почему это не пойму?

– Мала еще слишком.

На эти слова хорошо бы запустить в брата подушкой или чем-то потяжелее. Но нельзя, жалко расставленных кругом пробирок. Сашка тяжело вздыхает и идет пить чай с вареньем, и бубликами.

"Вовсе я не маленькая. В шестой класс уже перешла" – думает девочка. Но взглянув на пробирки, вспоминает, что и в шестом классе она еще не будет изучать химию, и настроение ее еще больше портится. Она садится за стол, смотрит как тетя Люся – младшая мамина сестра, торопливо пьет чай, проглядывая газету.

– Ну, что там пишут? – спрашивает Марина Сергеевна сестру.

– Да ничего особенного.

– Тогда и нечего за столом читать. Ведь подавиться можно.

– В Берлине в театре ставят пьесу Горького по повести "Мать".

– Во-первых, это не повесть, а роман.

– Ладно, хватит меня учить. Начинай сразу с "во-вторых".

– Во-вторых ты считаешь, что с немцами у нас все нормально? Мы им хлеб эшелонами шлем, они наши спектакли ставят и все хорошо?

– Наверное, нормально. Хотя я знаю не больше твоего.

– Ты все-таки на почте работаешь. Начальником почтового отделения.

– Вот именно – на почте, а не в министерстве иностранных дел и будет ли с немцами война, не знаю.

– Ты не кипятишься, мы все после финской войны, когда три месяца подряд по ночам было затемнение, грабежи, на улице не высунешься, стали нервными, взвинченными. Вот я и волнуюсь.

– Заболтала ты меня, того и глядишь на работу опоздаю, и не буду больше начальником, – сказала тетя Люся свернув газету и подмигнув Саньке.

Тут появился Костя с полотенцем на плече, зубной щеткой и круглой пачкой зубного порошка в руках.

– Давай быстрее в ванну, а то кто-то из соседей займет, – говорит ему мама.

– Займет, так я в кухне, почищу.

– Ты же знаешь, что Петр Петрович, ругается, когда ты чистишь в кухне. Говорит, что от этого раковина забивается.

– Ты как химик понимаешь, что она забивается от вермишели, которую он промывает в дуршлаге, – возразил Костя.

В огромной ленинградской коммунальной квартире, в которой они живут, вечно кто-то чем-то не доволен. Они уже давно привыкли к этому. К тому же эта одна из немногих семей, у которой в пользовании целых две комнаты и многие им завидуют.

– К химии, это не имеет никакого отношения. Поторопись, опоздаешь, – продолжает мама.

– У нас расписание сдвинули, не опоздаю, но домой вернусь поздно.

Мама треплет его по растрепанным после сна волосам и тут ей на глаза попадают ключи, оставленные на буфете.

– Вот дуреха Люська, ключи забыла.

Внимание мамы переключилось на Саньку.

– Отнесешь ей ключи сейчас, или попозже.

– Отнесу перед обедом.

И все это закончилось драмой на почте.

"Хорошо, что тетя Люся пошла на обед домой" – думает Сашка.

"А если бы не пошла?" – возникает ужасная мысль, но думать об этом страшно.

Поздно вечером пришла домой тетя Люся. Она долго о чем-то шушукалась с мамой. Санька прислушивалась, пытается понять, но у нее ничего не получилось. Потом тетя Люся подошла к Санькиной кровати и прошептала:

– Никому, ничего не рассказывай.

Глава 2

С самого детства Сашка помнила фразу, как-то сказанную ее бабушкой:

– Живи честно, не укради, не лги, не убий.

– Что же, совсем, совсем не врать? – удивилась тогда Сашка.

– А ты попытайся, раз, второй, потом привыкнешь, – усмехнулась тогда бабушка.

Вспоминая бабушку, Сашке тут же виделись огромные арбузы и ароматные дыни. Оно и понятно, ведь бабушка жила в Одессе. Туда всей семьей они ездили почти каждое лето, объедаться абрикосами, персиками, виноградом, ведь простые помидоры и те в Ленинграде были редкостью.

Больше всего девочка любила бывать в кино и на маминей работе. Военизированная охрана чужих на хлебозавод не пускала. Но разве Сашка чужая? Мама выписывала ей специальный пропуск, а когда та входила в лабораторию, то искали ей самый маленький белый халат, которому все равно приходилось подворачивать рукава. Студентки проходившие практику на хлебозаводе, хоть и улыбались глядя на девочку, но относились к ней уважительно.

– Образец заливается реактивом и помещается в низкоскоростную центрифугу. При скорости двести оборотов в секунду пробирка с продуктом раскручивается в течение де-

сяти минут. После этого образец нагревается, – диктовала Марина Сергеевна студентам и Сашка сидя в лаборатории восхищалась всеми этими мамиными значительными, но не совсем понятными фразами.

Хотя она и не совсем понимала, как хлеб с батонами могут печься с помощью химии или реактивов.

– В пробирках и колбах что – ли?

Когда она задавала такие вопросы, смеялись и мать, и несносный брат Костик, и даже Тетя Люся, которая жила вместе с ними. Ей было уже около 50, но она до сих пор была не замужем и детей своих у нее не было. Потому она в своих племянниках души не чаяла, потакала им, в особенности Саньке. Мама брала с собой на работу – Костю, а тетя Люся – Сашку. Александре не очень нравилась "почтальонская" работа. Она не видела в ней ничего интересного – "Сиди себе, печатай на машинке, принимай и отдавай посылки, письма, телеграммы. Особенно ей не нравились нетерпеливые посетители.

– В царское время почтальоны были расторопнее, – как то заметил старый дед на почте.

– Как вы не понимаете, что страна идет гигантскими шагами в будущее, – возразила тогда Сашка.

– Маленькая, а тоже со своим мнением суется.

– Мы пионеры, должны разьяснять не сознательным.

– Это я несознательный? – разъярился дед, но наткнувшись на осуждающий взгляд почтальонши осекся.

А вот у Марины Сергеевны работа была в разы интереснее, но мама брала с собой дочь – редко, только в крайнем случае, после одного неприятного инцидента. Случилось это около года назад, во время каникул. Костя с друзьями ушёл на озеро – рыбачить, а сестру с собой брать не стал, не хотел в этот день быть для нее нянькой. Саша долго умоляла, упрашивала его, но все её мольбы были бесполезны. А ей так хотелось идти с ними, нести котелок для ухи, подержать удочку, поймать хотя бы одну малюсенькую рыбку, поест уху из этого самого котелка, которую она не очень любила, но там ей пришлось бы, чтобы не быть голодной и конечно же она хотела купаться. Брат наотрез отказался. Девочка стала ныть. Мама пожалела её и взяла с собой. Саше все было интересно. Как месят тесто на хлеб, как его выпекают в больших печах, как там вкусно пахнет хлебом, какой он румяный и горячий. Когда она увидела мамино рабочее место, все остальное отошло на второй план. Это была чудесная комната, полна всяких тайн. Мама как раз определяла количество жира в молоке. Это очень важно ведь от этого зависит рецептура булочек. Мама в резиновых перчатках в жиромер поместила молоко, в него вливалась концентрированная серная кислота. А когда смесь обугливается, то по шкале можно было снять показания жира.

– Анализ старый, довольно простой, но при этом точный, – заметила Марина Сергеевна.

Санька гордилась мамой и с интересом рассматривала де-

сятки почетных грамот развешанных по стенам лаборатории. Недаром брат любил посещать это место. Мама просила ничего здесь не трогать, лишь наблюдать за процессом. По началу Саше удавалось скрывать заинтересованный вид и прятать руки в кармашках летнего платья, хотя они очень тянулись все потрогать и смешать, как это делала мама. В какой-то момент Марина Сергеевна отвернулась, Сашка не могла больше сдерживать руки, которые тянулись к колбам. Она смешивала марганцовку с капелькой глицерина, как ей посоветовал один друг. Сначала ничего не происходило. Мама бросала в сторону дочери тревожные взгляды, как будто чувствовала, что та что – то натворила... Подумав, что все в порядке, снова принялась за работу. Александра расстроилась, ведь она так хотела поразить маму, утереть брату нос, что не он один может фокусничать и важничать. Тишина простояла несколько минут. Вдруг марганцовка с глицерином, начала бурлить, меняться её состав, сноп искр и в конце повалил пар, словно из носика чайника, вперемежку с едким запахом. Саша очень испугалась, хотела скрыть следы своей неопытности и оплошности и вылила все в раковину, спрятав пустую пробирку в кармане. Это было не лучшим её выбором. Теперь этот запах и шипение распространились по всей лаборатории. Пришлось эвакуировать и Сашу, и двух молоденьких лаборантов- помощников, проветривать помещение. Вот с тех самых пор, мать зареклась больше дочь на работу не брать. Брат, как узнал, ещё долго припоминал сест-

ре ее неудавшийся опыт, посмеиваясь и еще пуще раззадорив девочку...

У детей был отец. Про него говорили редко, умалчивая и не говоря о его местонахождении. Саше, а порой и Косте хотелось узнать про него больше, но каждый раз мама расстраивалась, вспоминая его. Дети чувствовали, что матери трудно затевать этот разговор, словно вскрывать болезненную рану и они больше не пытались. Саша любила учиться, гордилась, что была пионеркой. Ей доверили небольшой отряд, из детей младших классов.

Глава 3

"Вот будет здорово, если, пионервожатая разрешит нам сегодня устроить сбор. Тогда мы разложим костер во дворе школы и будем петь с октябрятами песни. А потом вечером отправимся помогать семьям военных, как тимуровцы" – думала Сашка, бодро вышагивая по направлению к школе. Солнце припекало, хотя и чувствовалась ленинградская влажность. В воздухе бензиновая гарь смешивалась с запахом цветущих деревьев.

По мере подхода к школе, энтузиазм у нее потихонечку угас.

"Во дворе точно не разрешат развести костер. Но мы можем прямо в классе на пол положить поленья, поставить туда электрическую лампу, накрыть все это красной тканью. Как в ТЮЗе в спектакле "Двенадцать месяцев". Тоже будет неплохо" – подумала Санька, открывая массивную школьную дверь.

– Пионервожатая у себя? – спросила она у уборщицы тети Нади.

– Да где ж ей быть-то? У себя – в пионерской комнате, – ответила пожилая женщина, оторвавшись на миг от мойки пола.

– Я к ней.

– Только ты не наследи.

– Я остороженько.

Какое там "остороженько". Санька перепрыгнула одним махом влажную полоску на полу и перескакивая через ступеньку помчалась в пионерскую комнату.

– Вызывали?

– Заходи Кондрашова.

Сашке показалось, что увидев ее, пионервожатая вздрогнула. Но может просто показалось?

– Садись Кондрашова на стул и никуда не уходи.

– А зачем вызывали-то?

– Я тебе потом скажу. Ты главное никуда не уходи. Поняла?

– Поняла, – растерянно произнесла Санька, пытаясь поймать взгляд пионервожатой, но это ей отчего-то, никак не удавалось.

– Вот и прекрасно, Кондрашова, – сказала пионервожатая и зачем-то обошла вокруг стула с сидящей Санькой. Потом решительно направилась к двери. Но как только дошла до двери все ее решимость куда-то испарилась и она уже каким-то будничным, извиняющимся тоном обратилась к девочке.

– Я тебя Кондрашова, как старший товарищ хочу сейчас предупредить... а впрочем нет, давай вставай и пойдем.

Ничего не понимающая Сашка поднялась и они направились к двери. Через минуту они уже были в приемной директора школы. Секретаря в приемной не было. Не стучась,

пионервожатая открыла дверь к директору и, взяв Саньку за плечи, чуть ли не силой втолкнула ее в кабинет.

– Вот Станислав Аркадьевич, привела.

В кабинете Санька увидела директора и полного лысого человека в военной форме. Оба они стояли у раскрытого настежь окна и о чем-то беседовали.

– Ты значит и есть – Александра Кондратьева? – обратился директор к девочке.

– Не Кондратьева, а Кондрашова, – поправила его Сашка.

– Кондрашова? – суетливо переспросил директор, обращаясь к военному.

– Да, нам нужна Александра Кондрашова, – подтвердил военный.

– Кондрашова, ты пионерка? – спросил директор.

– Да.

– Ты понимаешь, что как пионерка должна помогать государственным органам правопорядка?

– Конечно, понимаю.

– Тогда давай рассказывай товарищу майору все подробнейшим образом...

– Не здесь и не сейчас, – прервал директора военный.

Он подошел к двери и бросил, обращаясь к Сашке:

– Следуй за мной.

– А мы? – спросил директор.

– Вы тоже хотите к нам проехаться, – жестко усмехнулся военный.

– Нет... не знаю...

– Будьте на связи. Если вы понадобится – вас вызовут.

Когда они вдвоем вышли на крыльцо подкатил легковой автомобиль с открытым верхом.

– Едем в управление, – скомандовал майор молодому стриженному шоферу.

– Мигом, домчу, – улыбнулся шофер и подмигнул Сашке.

Девочка от этой его улыбки чуть не расплакалась. Странное поведение пионервожатой и директора, брошенный недоваренный суп, хмурый майор, почти убедили ее в том, что она чем-то провинилась, а тут искренняя доброжелательная улыбка молодого парня чем-то похожего на Костю, растрогала ее и она сквозь слезы улыбнулась в ответ.

Они с ветерком помчались по ленинградским улицам. Чуть притормозили около здания на улице Воинова. Проезжая там, шофер вопросительно глянул на майора.

– Нет в ДПЗ сейчас рано, давай на Литейный в НКВД, – скомандовал майор.

Услышав слово НКВД, девочка замерла. Вот куда ее везут! Она пару лет назад уже видела сотрудников НКВД. Они приходили с обыском к их соседу – инженеру Войцеховскому. Потом его арестовали. Больше всего Сашку поразило не сам арест, а то, что инженер надел пальто прямо поверх пижамы. Девочка долго размышляла, от чего тот не переоделся в костюм? От растерянности? А может ему не дали переодеться? Или в этом был какой-то тайный смысл?

– За что его арестовали? – шепотом спросила она тогда у соседа Петра Петровича.

– Он поляк, – шепотом ответил сосед.

Санька не поняла, от чего быть поляком – преступление, но переспросить побоялась. Инженер Войцеховский пропал навсегда.

Охранник на входе в НКВД козырнул майору, тот заполнил какие-то бумаги и поднялся с девочкой на второй этаж в кабинет. Санька села в мягчайшее кожаное кресло похожее на облако. Майор устроился за столом, напротив.

– Так Александра Кондрашова, рассказывай все подробно о том происшествии на почте.

Сашка рассказала все так же, как милиционерам. После ее рассказа майор задумался, а потом попросил повторить еще раз. Сашка повторила.

– А теперь в деталях опиши того мужчину, который открыл тебе дверь.

– Обыкновенный, в кепке и пиджаке.

– Хорошо. А у него усы или родинка или еще что приметное было?

– Нет.

– А он был в сапогах или в ботинках?

– Плохо помню, но, по-моему, в ботинках.

– Точно в ботинках?

– Да точно.

– Это хорошо, что ты вспомнила.

– Да и еще у него на колене была небольшая штопка.
– Что за штопка?
– Я увидела, что дырочку у него на колене заштопали.
– А понятно. Большая штопка?
– Нет, как две копейки величиной.
– Вот молодец, это уже примета.
– Да и еще мне показалось, что он там стоял не один.
– Почему так показалось?
– Он когда со мной разговаривал, как будто на кого-то по-
глядывал.

– Ясно. Но второго человека ты не видела?
– Нет.
– Ладно. А теперь все восстановим по часам.
– Хорошо.
– Во сколько ты пришла на почту?
– Было без пятнадцати два.
– Точно?
– Да я еще на часы, которые висят на почте, посмотрела.
– Хорошо. А во сколько твоя тетя домой ушла?

Тут Сашка запнулась. Тетя ушла через минуту после прихода племянницы. Но если это сказать, то получится, что тетя нарушительница. Сашка помнила рассказ мамы. У них на хлебозаводе женщину уволили с работы за то, что она на двадцать минут ушла раньше, другая опоздала на десять минут и ее на месяц перевели из сменных технологов на рабочую должность.

– Я точно не помню, – покраснела Сашка.

– Александра Кондрашова – ты заплатку запомнила, а когда ушла тетя, нет? – строго спросил майор.

Девочка покраснела еще больше и сказала.

– Меня тетя Даша отвлекла, просьбой занять очередь за рубашками. Я, когда уходила тетя Люся, разговаривала с тетей Дашей.

– Тогда ясно, – согласился с девочкой майор.

У Сашки отлегло от души.

– Саша, а кто тебе ключом открыл дверь, когда ты с почты уходила? И кто закрыл за тобой? Это была тетя Даша?

– Нет. Я когда уходила почта еще не была закрыта на обед, – произнесла Сашка и поняла, что проговорилась. Получается, что тетя ушла с почты еще до начала обеда.

Майор что-то записал в бумагах, а потом встал.

– Я могу идти домой? – прошептала девочка.

– Нет, тебе придется остаться.

– Долго?

– Пока мы все не выясним.

Сашку отвели в комнату, где по углам стен стояли лавки, и сильно пахло краской.

– На эту не садись, она еще липкая от краски, – произнесла старушка в круглой допотопной шляпке.

– А куда можно? – спросила девочка

– Садись со мной.

Санька опасливо уселась рядом со старушкой. Кроме них

на соседней скамейке развалился какой-то парень. Парень был немногим старше Саньки, но старался держаться как матерый уголовник.

"Лучше я с этой старой контрреволюционеркой посижу" – подумала девочка. По мнению Сашки. Кто же еще кроме контрреволюционеров мог находиться в НКВД?

– А что такое ДПЗ? – вежливо спросила она старушку.

– Скоро тебя отправят туда, на Шпалерку, тогда и узнаешь, – хохотнул парень.

– ДПЗ, это "Дом предварительного заключения". В общем, тюрьма, – ответила дама.

– А что значит Шпалерка?

– Раньше улица Воинова, где у нас находится ДПЗ, называлась Шпалерной, – сказала старушка.

– Бабуся, ты ошибаешься ДПЗ означает "Домой – Пойти Забудь", – сострил парнишка.

– Я тебе не бабуся, шпана малолетняя, – огрызнулась старушка.

На "шпану" парень не обиделся, а улегшись на лавку зашел:

На улице Шпалерной

Стоит волшебный дом:

Войдешь в тот дом ребёнком,

А выйдешь – стариком.

Сашка от ужаса прижалась к контрреволюционерке.

Отпустили девочку домой только вечером.

Глава 4

Саша побрела домой. Они её отпустили, ничего толком не сказав. Отпустили и все.

" Мол иди девочка домой, по добру, по здорову". Да еще этот хулиган целый час рассказывал страшилки, что на Шпалерке происходят. Так она и просидела, прижавшись к "бабусе", пока хулигана куда – то не увели. А теперь она шла по вечернему Ленинграду одна одиначенька. Привезти – привезли, а вот обратно доставить ее никто не собирался. Она устало порылась в кармане, ища завалявшиеся монеты, чтобы оплатить проезд в трамвае.

Есть и пить хотелось ужасно. Желудок давно урчал, требуя пищу.

– Ничего, – подбадривала она себя, – вот приду домой и съем суп с добавкой.

Вспомнив, что он так и остался стоять на плите недоваренным, еще больше огорчилась. Брела она, брела и у остановки увидела, как женщина продавала пирожки. Они выглядели очень аппетитно и пахли также. У Сашки побежали слюнки. Она разжала кулачок и принялась считать монеты. У неё хватало аж на два порожка, но тогда не останется на проезд, а ездить зайцем девочке не позволяла совесть.

Даже если она купит один пирожок, у неё не будет хватать пары копеек на проезд, ведь ехать надо двумя трамваями.

– Девочка, хватит глазеть! Или покупай, или иди, не задерживай меня. Меня дома сын голодный ждет.

– А что же Вы тетенька ему пирожков не оставили? Раз он голодный. Или Вам их жалко, для родного сына?

– Чего? А ну иди давай, – и она стала собираться домой, пряча пирожки в сумке.

Так у Сашки пропала дилемма, на что тратить деньги. Тут подошёл трамвай – 8 маршрута. Она заскочила внутрь и плюхнулась на единственное свободное место. Ехать было прилично. Саша стала думать и гадать : – "доварит кто-нибудь суп или нет?"

Она влетела в квартиру, прошмыгнув сразу на кухню, гремя крышками от кастрюль. Заглянула в одну – пусто. В другую – тоже самое, даже недоваренного супа не было.

– Костя! Обжора! Признавайся, ты съел весь суп?

В кухню зашла мама и устало села на стул, тихо заплакав. Костя вошёл следом за ней и тоже устало сел, но плакать не стал...

– Мама, что случилось?

– Тетю Люсю сегодня забрали. Прямо на работе арестовали! Мать вызвали! А ты с ходу кричать стала, вот она и плачет, – ответил Костя.

– А за что тетю Люсю – то? Кто забрал?

– Из НКВД. Самый главный и забрал, они, и на почте обыск делали, мать прямо туда вызвали, и меня тоже туда привели, думая, что я тоже причастен. Мало того, что там

людей убили, но там вроде и посылки пропали. Причем не одна, а много. А ты где была?

– Так, ходила, гуляла.л

– Гуляла до вечера? Странно. Я Зинку видел, так она сказала, что тебя пионервожатая в школу вызвала, зачем? – не унимался Костя.

– Вызвали, это..., – замялась Сашка, – это из – за моего отряда, – соврала она, вспомнив бабушкину заповедь и покраснела.

Ложь далась ей легко, но в душе оставив противный отпечаток. А ещё она вспомнила свой допрос и то, что нечаянно проболталась, думая, что по её вине забрали тетю.

– Пойдемте дети спать. – Марина Сергеевна подозревала, что все только начинается и завтрашний день будет ещё более худшим, чем этот.

Костя и Саша смотрели матери вслед. Гадая, о чем думает их мама, не подозревая, что мысли у всех троих были одинаковы.

" Отнести тете Люсе передачу и узнать, что и как."

Есть уже не так хотелось. Она отломилла корочку хлеба, посыпав сверху солью и проглотила, почти не жуя. Горлу стало больно, Сашка подошла к раковине, попила воды прямо из крана и пошла спать, думая, что же она натворила. Слезы побежали по щекам. Пусть, сегодня можно.

Рано утром, Сашка услышала бряканье посуды. Она прошла на кухню босиком и взлохмаченными после сна – воло-

сами. Мама была одета с иголки, выкладывая и заворачивая горячие пирожки в газету.

– О! Александра, ты уже встала? Тогда кушайте с братом, а мне надо идти.

Пока мама отвернулась Сашке удалось стащить два пирожка со стола. Для себя и брата, который её не очень – то и жаловал, но иногда она делала такие добрые жесты. Пока она завтракала и убирала квартиру, вернулась бледная Марина Сергеевна, положив пирожки на стол.

– Не приняли передачу. Говорят, что с утра не положено .
Мать ушла, а Костя с Сашкой смотрели на остывшие пирожки.

– А давай их в обед отнесем, если утром не положено?

– Давай, – согласился Костик.

Ближе к полудню дети взяли пакет и ушли. Но передачу снова не взяли, сказав не положено.

– А когда положено, – возмутилась Сашка, – может вечером принести, тогда будет положено?

На неё посмотрели строго, с укором.

– Никогда! Ваша тётка задержана за шпионаж по предварительному сговору. Таким вообще ничего не положено! – отрезал мужчина в форме и выгнал их на улицу.

– Костя, а как ты думаешь, что они там с ней делают?

– Ясно что, допрашивают!

– А я слышала, что они проводят пытки, чтобы задержанные сознались в преступлении. Их бьют, загоняют под ногти

иголки, лишают сна.

– Откуда ты это взяла?

Сашка это не выдумала. Это вчера она услышала из уст хулигана, но сознаваться не хотелось. Не хотелось, чтобы в семье ее считали предательницей.

– От верблюда! Просто знаю и все. А помнишь соседа? Его тоже взяли эти и с тех пор мы его не видели, а вдруг тётя Люся тоже больше никогда к нам не вернётся?

Костя потрепал девочку по голове.

– Дурочка, конечно она вернётся, вот они найдут тех, кто это сделал и её отпустят.

Косте в свои слова верилось с трудом, но хотелось подбодрить сестру.

Больше про тетю Люсю вестей не было. Марина Сергеевна ходила печальная, чтобы её как – то растормошить – Саша придумывала разные предлоги. Она просила мать показать разные эксперименты в лаборатории брата. Марина Сергеевна согласилась. Она отыскала несколько баночек, три из которых отложила в сторону и взяла несколько колб.

– Я покажу тебе очень интересный опыт.

Марина Сергеевна взяла карбонат калия и раствор аммиака. Добавила в пробирку одинаковое количество капель и аккуратно все перемешала.

– Ничего не происходит.

– Терпение.

Женщина к полученной смеси добавила несколько капель

соляной кислоты. Реакция пошла сразу. Повалил густой белый дым.

– Прямо как из паровозной трубы валит, – удивилась Сашка.

Так постепенно Сашка втягивалась в химию. Она специально в библиотеке отыскивала книгу для старших классов и ставила опыты, почти каждый день. Однажды Саша захотела провести опыт по выращиванию кристаллов, он требовал длительного времени, но был красивым и безопасным. В этот момент никого не было дома. Она разлила смеси по пробиркам, а сама отправилась в булочную. Девочка не торопилась домой, зная, что все придут только вечером. Она купила хлеб. Было жарковато и Сашка подошла к ларьку с газводой

– Налейте мне газированной воды с сиропом, – попросила она, протягивая двадцать копеек. Пока ей давали сдачу у нее было чувство, что за ней кто-то с противоположного конца улицы наблюдает. Она оглянулась, но никого не заметила.

Во дворе никого из детей не было и она пошла домой.

Когда она зашла в квартиру, поняла что, что-то не так. Дурное предчувствие не покидало ее. Сашка выложила хлеб и прошла в лабораторию. Подожгла сухой спирт и хотела нагреть приготовленную в пробирке жидкость. Только теперь она поняла, что не так. Пробирки с жидкостями стояли по-другому. Не так, как она оставила их час назад .

"Может Костя заходил домой? А может быть мама?" Со-

мнения мучали её до самого вечера, пока не пришли родные. Вариант с родными сразу отпал после того, как Сашка узнала, что брат был вместе с матерью и домой они не заходили.

Оставался главный вопрос: " Кто?"

С этого дня девочка стала внимательной и подозрительной. Все ей мерещилось и казалось, что за ними кто – то следит. После безрезультатной недели, она было уже расслабилась, но поздно вечером в комнате увидела человека заглядывающего к ним в окно. Она вскрикнула и человек исчез.

– Зря весь дом всполошила. Это, наверное, кто-то из мальчишек подглядывал за тобой, – рассмеялся Костя, когда Сашка попыталась рассказать ему о своих опасениях.

– А может это кто-то из тех бандитов?

– Каких именно?

– Ну тех, с почты.

– Глупости. Девчачьи выдумки.

– Может в милицию сообщить?

– Сообщить что? Сказать им, что ты пугаешься собственной тени и женихов малолеток?

"Не буду позориться. Неприятностей в нашей семье и так хватает" – подумала Сашка.

Но как-то возвращаясь из библиотеки, она увидела мужчину. Что-то в его поведении насторожило девочку и она в оцепенении остановилась. Она узнала его! Это был он! Человек с почты! Она еще раз оглядела его и узнала его и штаны, на которых была штопка.

"Что он здесь делал? Кого выслеживал?" – мучили её вопросы. К счастью мужчина не заметил девочку и быстрым шагом пошел прочь. Сашка двинулась за ним следом, на значительном расстоянии...

Глава 5

Сашка вбегает в квартиру и с порога кричит:

– Мама, а где ключи тети Люси?

– Посмотри, там, на гвоздике, возле двери должны висеть.

А что такое, зачем тебе Люсины ключи? Ты что, свой ключ потеряла?

– Нет, но у меня он что-то плохо стал открывать дверь, – потупившись отвечает Сашка.

– Дай Костику ключ, пусть он посмотрит.

– Ладно, дам потом. А ты не знаешь, где ключи тети Люси от почты? А тут только ключ от нашей квартиры.

– Ну, ты же и хотела ключ от квартиры. Или я неправильно поняла?

– Да, конечно, но мне подумалось о том, что ее ключи от работы могли от чего-то пропасть, – говорит девочка фальшивя.

– Почему тебе так подумалось? – насторожилась мама.

– У нее много неприятностей, а может мы не досмотрели и еще ее ключи пропали.

– Ты дочка, что-то от меня скрываешь?

– Нет, что ты мамочка, совсем нет...

– Ну-ка, милая выкладывай, что стряслось.

И не избежать бы Сашке неприятного разговора, но тут пришел Костя и мама пошла на кухню, чтобы разогреть

ужин.

Пока Костя возился, снимая ботинки в коридоре, Сашка метнулась в их "лабораторию" и возвратилась оттуда с подозрительно распухшими карманами.

– Ты маме скажи, что я к Зинке в гости пошла, – сказала девочка Косте.

– Какие гости? Вечер на дворе.

– Мы будем с ней по очереди вслух читать "Два капитана" Каверина из журнала "Костер".

– Так ты что ужинать не будешь?

– У Зинки поужинаю.

Саньке чудом удалось проскочить мимо мамы. Она вышла во двор, тревожно огляделась и направилась в подъезд, где жила Зина.

Еще через минуту, Сашка, тяжело вздохнув, нажала на кнопку звонка. В отличие от Сашки ее подруга жила не в коммунальной, а в отдельной квартире. Дверь открыла Розалия Львовна – мама Зинки. Увидев у дверей Сашку, Розалия Львовна вздрогнула и попыталась закрыть дверь, но девочка успела одним плечом втиснуться в квартиру. У них прошло что-то вроде поединка по сверлению друг друга взглядами. Сашка не отводила глаз, и Розалия Львовна угрюмо произнесла:

– Деточка, а не пойти ли тебе домой?

– Мне надо срочно увидеть Зину, – пискнула Сашка.

– Тебе? Увидеть? Да еще срочно? Зачем?

– Это пионерское поручение. Очень важное.

– Важное, для кого?

– Для нашей пионерской организации. Пионервожатая мне поручила срочно передать Зине.

– Поручение? На каникулах?

Неизвестно чем бы закончился их разговор. Но тут раздался грозный голос Зинкиного папы.

– Розалия, кто там пришел?

– Это девочка, соседка, хочет видеть нашу Зинулю.

– Так позови дочь и пусть они общаются, а ты иди сюда и помоги мне найти очки. Я хочу тебе прочитать очень важное заявление Советского правительства по поводу военного конфликта между Германией и Англией.

Зинкин папа был очень большим начальником и ослушаться Розалия Львовна не решилась.

– Зиночка, к тебе пришли, – проворковала она фальшивым голосом.

Потом искоса глянула на Сашку и совсем другим тоном добавила:

– Общайтесь, только не долго.

Тут в дверях своей комнаты появилась и Зинка. Представляете, у этой девчонки была своя комната! Как вести себя с Сашкой она не знала и растерянно произнесла:

– Привет Кондрашова.

– Привет, давай выйдем в коридор – поговорим.

– В коридор? Зачем? Давай лучше пойдем в мою комнату,

там у меня аквариум есть.

– Какой аквариум? Я к тебе по серьезному делу пришла.

– По какому делу?

– Это секрет, выйдем – расскажу.

– Хорошо, выйдем.

Они вышли в коридор.

– Рассказывай, раз пришла, – сказала хмуро Зинка.

– Надо чтобы ты помогла мне шпиона поймать.

– Ты, наверное, с ума сошла. Какого шпиона?

– Немецкого.

– И где ты его нашла?

– На улице встретила.

– Врешь ты все.

– Честное пионерское не вру.

– Да тебя из пионеров скоро попрут.

– Почему это?

– Потому что у тебя тетя – враг народа, вот почему.

– Никакой она не враг.

– А чего же ее НКВД арестовало?

– Это из-за этих шпионов.

– Понятно, ты и вся ваша семья теперь в шпионах здорово разбираются, может быть даже чай с ними пьете?

– Какой чай? Я сейчас как тресну тебя по лбу, так будешь знать, как обзывать.

– Попробуй, так и тресни! Я буду кричать, что племянница врага народа избивает пионерку. Придет милиция и тебя

арестуют.

– Отличная идея, позвать патрульных. Мне и надо чтобы милиция пришла.

– Ты сумасшедшая.

– Нет, правда. Тебе надо будет только позвать милицию и ты пионер-герой. В "Пионерской правде" о тебе напишут, сделают председателем совета отряда.

– Что сюда позвать?

– Нет на почту.

– Ты серьезно?

– Да, скажешь, что на почте в подвале шпионы готовят взрыв и там будет пожар.

– Слушай Кондрашова! А может это ты все специально придумала, чтобы насолить семье важного государственного работника?

– Какой семье? Твоей что ли? Зачем?

– Не знаю как, кто ж вас шпионов и врагов народа знает, с вашими коварными планами?

Зинка с подозрением рассматривала Саньку, как будто видела ее в первый раз и Санькина шпионская сущность должна как-то проявиться на ее лице. Но, не обнаружив у бывшей подруги, ни змеиного разреза глаз, ни злобной, кривой усмешки, Зинка чуть-чуть успокоилась и спросила:

– Ты мне заколку свою с ромашками тогда подаришь?

– Да бери. И если что будет не так, вали все на меня.

– Ладно, все поняла.

– И еще мне нужно полено и анальгин.

– Поленья у нас дома остались здоровые, сразу не разгорятся.

– Мне именно такое и надо.

Через несколько минут здоровенное полено и две пачки анальгина были доставлены.

– Ты беги в отделение милиции, а я пойду на почту, – сказала Сашка.

– Ты что, хочешь этого шпиона по голове поленом огреть, а когда его арестуют, накормить анальгином чтобы он случайно не умер?

– Ты подруга гораздо догадливее, чем я думала.

– Я такая.

– Беги в милицию, теперь тебе все слава достанется, – произнесла Сашка, но она ошиблась.

Серыми тенями девочки разбежались по ленинградским улицам.

***

– Товарищ комиссар государственной безопасности, задержанная Александра Кондрашова доставлена. Разрешите ввести? – молоденький щеголеватый лейтенант щелкнул каблуками, отдавая честь старшему по знанию.

– Вводи.

Войдя в кабинет, Сашка увидела майора, который когда-то уже ее допрашивал и седого высокого мужчину, которого лейтенант назвал комиссаром государственной без-

опасности.

Сашка вошла в кабинет и не спрашивая разрешения усе-
лась в кресло. Вид у нее был неважный. Щеки измазаны в
чем-то черном, рукав платья разорван. Ей показалось, что
комиссар глянул на нее осуждающе, но она настолько устала,
что ей уже было все равно.

Комиссар видимо это понял и сказал:

– Сейчас уже очень поздно, поэтому мы тебя вопросами
мучить не будем. Тем более что мы уже все и так знаем.
Уточним пару моментов и отпустим домой.

– И тетю отпустите?

– Да и тетю тоже. Теперь совершенно ясно, что она не ви-
новата.

– И на машине домой отвезете?

– Ты Кондрашова совсем обнаглела, – вмешался в разго-
вор майор, но комиссар жестом остановил его и сказал:

– Конечно. Трамваи уже не ходят. Отвезем.

– Ага, спрашивайте, – кивнула головой Сашка.

– Как ты узнала, что там готовят взрыв?

– Подслушала их разговор, что в посылках была взрыв-
чатка и спрятали они ее в подвале на почте.

– Кто запер дверь подвала?

– Это я, когда этот дядька зашел в подвал, подперла поле-
ном дверь снаружи. Чтобы он не смог сбежать.

– А зачем устроила весь этот дым в подвале?

– Он там хотел соединить какие-то провода, но в таком

дыму ему проводов было не найти, а захотел бы стрелять то все равно ничего не увидел.

– Что ты там подожгла такое вонючее?

– Я не поджигала. Это химическая реакция. Смешала метамизол натрия с гидроперитом и бросила в окошко подвала.

– Где ж ты нашла этот самый метамизол натрия?

– Да это обычный анальгин, от головной боли, он просто по-научному называется метамизол натрия. А гидроперит, он для осветления волос используются. Все в аптеке продается. А если их смешать, выделяет удивительно противный и густой дым.

– Так ты химик?

– У нас все семья химики. И мама, и мой брат.

– Ладно, девочка-химик, отправляйся вниз, там тебя мама ждет, а скоро и тетя присоединится к вам.

Когда за Сашкой закрылась дверь, комиссар госбезопасности обратился к майору:

– На этот раз нам повезло. Но ты представляешь, если бы там под почтой рванул заряд такой мощности?

– Специалисты говорят, что, скорее всего, прорвало бы дамбу, и штаб округа очень сильно пострадал бы.

– То-то и оно. Хорошо, что диверсанта удалось задержать, но был еще и второй. Ищите его самым тщательным образом.

– Ищем, но задержанный напарник его молчит, а девочка не сможет его опознать.

– Почему?

– Она только слышала их разговор, но второго видела лишь со спины.

Под окнами заурчал мотор. Это приехал автомобиль за Сашкой, ее мамой и тетей.

Глава 6

Тётя Люся не ожидала что ее когда-нибудь выпустят. Идя домой, она думала, как ей теперь быть, как жить дальше. А её так тепло и радостно встретила семья. Ее родные и близкие. Все плакали, даже Костя, но больше всего плакала Сашка, ведь она считала себя предательницей.

– Саша, не плачь, все же хорошо, – говорила тётя Люся, вытирая платком её мокрое от слез лицо.

– Это я от радости.

– Так от радости смеяться надо, а не слёзы лить, – вмешалась Марина Сергеевна, накрывая на стол.

Слухи разлетались быстро, словно ласточки. Санька стала известной. Пионервожатая относилась к девочке хорошо, давала ей интересные задания, даже выступление в пионерском лагере, в котором Сашка показывала опыты, правда под бдительным наблюдением учителя старших классов.

Василий Анатольевич был учёным в области химии, переехал в Ленинград недавно, ему было за пятьдесят с небольшим. На хим. завод его уже не взяли, по возрастному ограничению и тогда он устроился работать в школу, учителем химии. Сашка его знала, ведь она часто подглядывала, когда он проводил опыты. Он носил большие очки, с толстыми линзами. От этого его глаза казались огромными. Он был чуточку неуклюжим, то ли от возраста, то ли с рождения. Ученики

иногда подшучивали над ним, смеялись, а он не замечал или только делал вид. Саньке хотелось этим ребятам- забиякам, надавать по лбу, за такое обращение, так и чесались кулаки.

– Неужели Вам не интересен химический вулкан с бихроматом аммония? Или его история о том, для чего обезьяны в южной Америке используют химию ? – закричала она однажды на старшеклассников.

Ученики, вместе с учителем затихли, а Сашка распалялась не на шутку.

– Да Вы должны сидеть тихо, как мышки. Запоминать и записывать каждое слово. Ведь это так интересно...

– Спасибо большое, девочка, за твои слова, э...

– Саша, Кондрашова, – подсказала она.

– Да, спасибо Саша Кондрашова, но я хотел спросить, что Вам нужно? Вы подглядываете за мной уже давно.

Она покраснела вся. Сашка не думала, что её рассекретили и пришлось говорить правду.

– Меня интересует химия и опыты. Хотела бы стать химиком, – призналась девочка.

Вот так они и познакомились.

Тётя Люся готовила обед, когда в дверь позвонили.

–Теть Люся!, – кричит девочка, – откройте, пожалуйста.

– Хорошо деточка!

– А Вам кого? – спросила Людмила, с тревогой глядя на высокого мужчину.

– Кондрашovy здесь живут?

– Здесь!

– Тогда я пришёл по адресу, мне нужна Александра.

– Проходите, – запинаясь, произнесла Люся.

В это время в коридоре появилась Сашка.

– Это Василий Анатольевич – учитель. Он пришёл посмотреть на нашу лабораторию. Тётя как – то странно себя повела, убежала на кухню, а Василий Анатольевич глядел ей вслед и вид у него был очень задумчивый...

" Может быть они знакомы? Раз ведут себя странно, надо разобраться!" – подумала девочка, потащив гостя в лабораторию к Косте.

Теперь Сашку со школы было не выгнать. Особенно из кабинета химии. Учитель подарил ей две толстые книги. Он частенько приходил к ним домой, хотя Санька и не звала.

– Я это, просто так заглянул, хотел убедиться и напомнить, что некоторые опыты проводить дома нельзя, это может быть опасным, как для тебя, так и для окружающих.

– Не переживайте, ничего не будет.

Он приходил в основном, когда тётка была дома. После они втроём пили чай, или в четвёртом, вместе с Костей. Июнь подходил к концу, на улице стояла прекрасная погода. Костя с Сашкой возвращались с озера. Уже вечерело. Закат собирал солнечные лучи, которые потихоньку ускользали от расплавленного асфальта, домов, прогуливаясь по их крышам и исчезая за горизонтом. Брат пошёл домой, неся рюкзак, а Сашке почему – то домой идти расхотелось. Она оста-

лась на улице, села на лавочку и задумчиво смотрела вдаль заходящему солнцу.

Она смотрела вокруг и думала, до чего же хороша жизнь и как прекрасен окружающий мир, строила планы. О том, как она пойдёт в школу, как окончит её и поступит в техникум, непременно к Косте. Как они вдвоем будут вместе работать, как вырастут, заведут семьи, но большинству её мечтам не суждено было сбыться. Судьба распорядилась иначе, круто поменяв её жизнь, её судьбу. Судьбу её близких и всего населения земного шара.

Ровно в четыре часа утра началась война. Об этом жители ещё не знали, они спали, досматривая сны. А уже в полдень об этом кричало радио. Сашка вздрогнула от этого голоса, страшного голоса. Ничего не было понятно. Мать была на кухне, готовила обед. Из ее рук выпала чашка, разбиваясь вдребезги. Вскоре домой пришли и Люся с Костей. Сашка прислушивалась, пытаясь уловить смысл из – за чего сыр – бор. Но на кухне была тишина. Гнетущая тишина, она отдавалась волнением и страхом. Девочка не понимала чего она боится и чем вызвано волнение, ведь все хорошо, пока не увидела лиц родных. Бледную Марину Сергеевну, Людмилу и решительного Костю.

– Война, дети мои, война. Надо быть готовыми ко всему, – сказала мать, направляясь в комнату.

– К чему? – крикнула Санька.

– Ко всему – ответила за мать – тётя. Ко всему Сашенька,

к самому плохому...

Через час, Верховный совет СССР объявляет мобилизацию на территории военных округов. В том числе и Ленинградского. Мать тревожность глянула на сына.

– Не волнуйся Марина, Костя учащийся техникума не мобилизуют, – сказала сестре тетя Люся.

– Если надо будет – сам пойду, – возразил Костя.

Сашка выбежала на улицу вслед за братом, но того уже не было видно. Зато было видно другое. Грустные и тревожные лица прохожих, грозных военных, которые разносили повестки. Даже дети перестали улыбаться, они тоже остро чувствовали тревогу и приближение опасности. Этот день отличался от других... Сашка вернулась

в квартиру. Мать в срочном порядке вызвали на работу, тетю тоже. Они ушли. Весь оставшийся день и вечер, она ждала своих родных, ждала вестей. Оказывается мать переводили на другую работу, так как она была химиком, её перевели в институт. Тётке на почте дали различные поручения. Она не вернулась домой до самого утра. Костя вернулся поздно и у них с мамой состоялся серьёзный разговор.

Каждое утро ленинградцы собирались у уличных репродукторов, чтобы услышать сводки Совинформбюро. Сводки были запоздалые, но и из них было ясно, что немцы продвигаются по направлению к Ленинграду небывалыми темпами. По двадцать, тридцать, а то и пятьдесят километров в час бронированный кулак Вермахта красными стрелками

двигался к Ленинграду. Костик раздобыл где-то крупномасштабную карту Северо-Запада СССР, и Сашка с ужасом находила на ней новые названия, свидетельствующие о том, что враг неукротимо приближается к родному городу. В голове девочки не укладывалось, что Советская Армия – самая могучая и справедливая может отступить неся колоссальные потери и теряя крупные города. Сашка поначалу думала даже, что это какой-то хитрый план Советского командования – заманить гитлеровцев на свою территорию, а там уже ударить по ним со всей силы. Но дни шли за днями, а враг был все ближе.

Сашка не знала, что к городу устремилась немецкая группа армий "Север", которая составляла четверть всей армии вторжения. Более трехсот тысяч отборных солдат, одиннадцать тысяч пушек и минометов, тысяча самолетов. А самое главное четвертая танковая группа, в составе которой было больше тысячи танков и в задачу которой входило в течение нескольких недель захватить Ленинград.

6 июля Сашка проснулась затемно. Тетя Люся собирала продукты в старенький туристский рюкзак.

– Что-то случилось? – спросила ее Сашка.

– Ничего, спи.

– Вы куда-то идете?

– Я уезжаю.

– Куда?

– Это военная тайна.

Глава 7

Потянулись тревожные серые будни.

– Я записался в отряд ополчения, – забежав домой сообщил маме Костя.

– Как так? У учащихся техникума броня, – воскликнула Марина Сергеевна.

– Я попросил военкома и записался добровольцем. Вечером сбор и нас отправляют на передовую.

– Как это молодых, необученных и сразу на передовую?

– Я сказал, что прошел начальную военную подготовку в техникуме, состою в обществе Осоавиахим и у меня значок "Ворошиловский стрелок". Все будет хорошо.

– Хорошо?

Марина Сергеевна села беспомощно опустив руки. Потом заплакала. Но плачь не плачь, а надо собирать сыну в дорогу вещи и продукты. Слезы капали на теплые носки, майку, темно-синие трусы. Из запасов еды в доме была только буханка ржаного хлеба, ее положила сыну.

Осоавиахим, Ворошиловский стрелок, – повторяла раз за разом Марина Сергеевна.

– Не надо плакать, мама, – обнял ее Костик.

В ответ она только всхлипнула.

– Мы разобьем немцев и через пару недель, ну может быть, через месяц я вернусь, – сказал Костя, закидывая за

спину холщовый мешок.

Тетя Люся все еще была в какой-то непонятной командировке, поэтому провожать Костю до военкомата, пошла Марина Сергеевна и Сашка.

Марина Сергеевна шла молча, Сашка же всю дорогу щебетала, улыбалась и прижималась к брату. Девочка гордилась Костиком, и ей хотелось, чтобы ее подруги их заметили. Возле военкомата вновь прибывших построили, пересчитали, сверились со списками и они отправились в район порта.

В этот вечер Сашка легла спать поздно она долго еще ворочалась, представляя как Костик отличится воюя с немцами и как сам маршал Ворошилов вручает ему медаль "За боевые заслуги". Она представила себе медаль с перекрещенными винтовкой и саблей, улыбающегося маршала, строй красноармейцев... И тут проснулась от стука в дверь. Сашка глянула в сторону окна – темно, еще даже не рассвело. Что же случилось? Неужели это НКВД? Кто же еще может придти среди ночи кроме органов госбезопасности?

Марина Сергеевна накинула платок на плечи и пошла открывать.

Это был Костик. С воспаленными глазами, в своем пиджаке, но почему-то с солдатской пилоткой на голове. Эта пилотка почему-то больше всего поразила Сашку.

– Ты что сбежал? – выкрикнула она первое, что ей пришло в голову.

– Я? Сбежал? – Костик с размаху залепил пощечину Саш-

ке, но она даже не отшатнулась, продолжая буравить брата глазами.

– Перестань, – сказала Марина Сергеевна, но было не понятно, к кому она обращается. Это могло относиться и к Косте, и к Сашке.

– Рассказывай, что случилось? – обратилась она уже непосредственно к сыну.

– Я пришел, а он говорит, – начал Костя и запнулся. Потом губы его жалко изогнулись, и он разрыдался как маленький.

– Сволочь, сволочь поганая. Надо было ему в лицо плюнуть.

– Кто сволочь? Кому плюнуть?

– Тот капитан, сволочь. Который, командовал нашей погрузкой на баржи.

– Что произошло?

– Мы уже были в порту и нам начали раздавать обмундирование. И тут подходит этот капитан с красными глазами.

– Да такие глаза бывают от постоянного недосыпа.

– И представляешь, этот красноглазый капитанишка тычет пальцем в меня и еще в двух и говорит нам выйти из строя. Мы выходим, а он нам говорит:

– Сдайте обмундирование и отправляйтесь домой.

– Как это сдать обмундирование? Нас военкомат направил Родину защищать, – говорю ему в ответ.

А он:

– Соплякам здесь не место! Выполняйте приказ и валите

домой. Представляете так и сказал "Соплякам здесь не место".

– И что дальше?

– Нас вытолкнули из толпы, а всех остальных начали грузить на баржи.

– Ладно, пойдем чай попьем, – сказала Марина Сергеевна.

– Какой мама чай? Как я в глаза товарищам теперь смотреть буду? Они подумают, что я струсил.

– Ни кто так не подумает. Ты выполнил приказ.

– Вот одна уже подумала, – сказал Костя, указывая на сестру.

– Она сказала не подумав.

– Почему другим можно Родину защищать, а мне нет? Что же я за комсомолец такой?

– Ты хороший комсомолец, – обняла сына Марина Сергеевна.

Сашке не слишком обиделась за оплеуху, во дворе были схватки и серьезней. Ей больше было больно и обидно за брата. Он конечно совсем не повинен, что его не взяли на войну. Во всем виноват тот капитан. Через пару дней во дворе Зинка попыталась пошутить на счет военных подвигов Костика и Сашка от всей души отдубасила подругу.

Еще через день, по городу пронеслась весть, что все три баржи, на которых отправили добровольцев, были потоплены немецкой авиацией. Им даже не дали оружия. Их обмун-

дировали, погрузили на баржи и неизвестно из каких мер предосторожности, задраили люки. Ни один не спасся.

В середине июля в отдаленную Коломяжская церковь св. Димитрия Солунского зашла худенькая женщина.

– Я бы хотела свечку поставить, но я никогда не была в церкви и не знаю, можно ли это сделать, – спросила она священника.

– Если от чистого сердца, то почему бы и нет. Вы хотите свечку какому-то святому поставить?

– Я даже не знаю, какому святому ставить.

– Вы за здоровье желаете или за упокой?

– За здоровье хочу.

– А кому?

– Я даже имени его не знаю. Хочу поставить свечку за капитана с красными от недосыпа глазами.

Через несколько минут Марина Сергеевна уже шагала в сторону работы, опаздывать в военное время было категорически нельзя.

На следующий день возвратилась из "командировки" тетя Люся. Исхудавшая, загоревшая и с мозолями на руках. Она категорически отказывалась рассказать Сашке, где была, но девочке удалось подслушать ее разговор с Мариной Сергеевной.

– Неужели так близко от Ленинграда? – удивилась мать.

– Да мы проезжали город Лугу. Там неподалеку.

– Неужели? У нас там неподалеку был лагерь отдыха на-

шего хлебозавода.

– Вот в тех краях на берегу реки Луги мы и копали траншеи. Военные говорят, что там прорваться немцам будет трудно. Хорошее место для обороны.

– Неужели фашисты и туда дойдут?

– Уже дошли. Я даже в плену успела побывать, правда, совсем недолго.

– Ты что шутишь? Какой плен?

– На обратном пути машин не хватило и мы с подругой направились напрямик через лес. Но тут что-то грохнуло, мы побежали и сбились с пути. И вдруг "Хальт!". Намцы – человек десять. Мы остановились, ни живы, ни мертвы. Немцы, увидев нас начали смеяться и что-то лопотать по-своему. Это были самые страшные минуты в моей жизни. Я отчего-то думала, что нас тут же возьмут и расстреляют. А у меня еще и партийный билет в сумочке. Думаю: "Если найдут, то точно конец".

– Что ж, не нашли?

– Нет, нас спасли.

– Кто спас? Наши солдаты?

– Нет, зеки.

– Ты что сеструха, какие зеки?

– Заключение. Они из Пскова пробирались к нашим. Зеки саперными лопатками порубили всех немцев.

– Лопатками?

– Ну да. Немец мою сумку, где партбилет лежал, тянет к

себе и вдруг хрясь! У него во лбу торчит саперная лопатка. Рядом падает другой. Так без единого выстрела все за десять секунд и закончилось.

– Так просто?

– Не совсем. До сих пор перед глазами двое в траве. Молоденький зек с лопаткой в руках. Мальчишка совсем. А другой это немец ударивший его ножом. Лежа в обнимку. Оба убитые. Смертельные объятия. Так мы и оставили их вдвоем лежать.

– Так вы оказались одни среди зеков?

– Нет, там и их конвоиры были. Они все вместе на немцев напали, пока те отвлеклись нас обыскивая. Кое-как добрались с ними до Луги, а оттуда уже в Ленинград.

Тут Сашка прекратила притворяться спящей и спросила:

– А зеков теперь домой отпустят?

– Между прочим, подслушивать нехорошо, – назидательно сказала мама.

– Но ведь они же герои. Спасли тетю с подругой. Их надо отпустить, а может быть и наградить, – не унималась Сашка.

– Не знаю, племяшка, ничего-то я теперь не знаю.

Вечером к ним в гости пришел Василий Анатольевич.

– Как я рад, что вы уже приехали. А я вот записался в дивизию народного ополчения, – сказал он тете Люсе.

"В вашем-то возрасте, тоже рветесь воевать", – чуть не сорвалось у той в ответ.

– Завтра нас отправляют в район Луги, – продолжил Ва-

силий Анатольевич.

– Знакомые места.

– Вы там отдыхали?

– Можно сказать и так.

Чай они пили молча.

Три недели от Василия Анатольевича не было никаких вестей. Лишь Совинформбюро сообщало об ожесточенных боях в районе реки Луга. Наконец раненый красноармеец передал Люсе записку. В ней больше всего Сашке запомнились такие слова:

"За три недели боев немцы продвинулись на расстояние, которое раньше проходили за час. Гитлер приказал снести Ленинград с лица Земли. Не выйдет. Родной город мы отстоим". Писал Василий Анатольевич.

Глава 8

- Выдачу хлеба по пайку со второго сентября сокращают, – сказала Марина Сергеевна, собираясь утром на работу.
- И сколько теперь будет? – поинтересовалась тетя Люся.
- Завтра – рабочим и инженерно-техническим работникам – будут выдавать по 600 граммов, служащим – по 400 граммов, детям и иждивенцам – по 300 граммов.
- Значит, ты вместо 800 граммов будешь получать 600, я – 400, а Сашка вообще только 300. Мы так долго не протянем.
- Ничего, скоро придут из Москвы, десять кавалерийских дивизий и прогонят немцев. Зинка сказала, что они уже на вокзале разгружаются.
- Трепло, твоя Зинка, – вздохнула мама.
- Зато у нее папу возят на работу на специальном автомобиле.

Ни кто с ней спорить не стал – маме и тете пора было уходить на работу. Костика дома не было, помимо занятий в техникуме он устроился на курсы МПД. Сашка долго выпытывала у брата значение этих букв, но он не говорил. Как-то Костя оставил дома толстенную тетрадь. Сашке стало любопытно. Она листала страницы и читала: "Основы физики горения и взрыва. Классификация, характеристика и свойства взрывчатых веществ. Разновидности подрывных зарядов и способы их изготовления" Это оказался конспект по МПД –

минно-подрывному делу. Более увлекательного чтения для Сашки придумать было сложно. Сейчас она с нетерпением ждала ухода взрослых, чтобы тайком прочитать из конспекта брата увлекательную главу "Рекогносцировочные мероприятия перед изготовлением и закладкой зарядов". Все ушли, но, ничего прочитать ей не удалось. Раздался стук в дверь. Это была Зина.

– Пойдем в магазин – карточки отоваривать.

– Какие карточки? У тебя же папа на всех паек у себя получает.

– Это карточки моей тетки, она беженка из Пскова. Города не знает, поэтому попросила меня сходить. А мне одной страшно идти.

– Ладно, пойдем.

Сашка взяла свои карточки и спрятала их за пазуху, поглубже. Ходили слухи, что шпана выхватывает карточки из рук людей, а особенно детей, стоящих в очереди.

Санька поискала в столе и нашла здоровый железный болт, который не так давно нашла на трамвайных путях. Она положила железяку в карман платья. Если жулик попытается вырвать хлебные карточки, она залепит ему этим болтом прямо в лоб. Они вышли на улицу – метроном в репродукторе мерно тикал, значит, авиа налета пока не предвиделось. День был пасмурный, прохожих не много и все какие-то хмурые, безликие. Вот разве что один из них в военной форме привлек внимание девочки. Он показался ей чем-то знако-

мым. Она приостановилась, чтобы получше его разглядеть. Военный тоже взглянул на Сашку и от чего-то, тут же отвел глаза. Смутная догадка пронеслась у девочки в голове, но тут раздался крик.

– А, ай, мама..., – кричала Зинка.

– Что такое? – воскликнула Сашка, воинственно размахивая выхваченным из кармана болтом.

– Вот это, это. Гадость, – визжала Зинка, указывая на свою ногу.

Сначала Сашке показалось, что носок белой Зинкиной туфельки, которыми она жутко гордилась, уселся котенок. Но приглядевшись, Санька поняла, что это вовсе не котенок, а серая противная крыса. Девочка стала прицеливаться, чтобы поточнее метнуть болт в нахальную тварь, не задев подругу. Но тут уже у ее ног проскочила серая тень, за ней еще одна. Девочки огляделись вокруг них сплошным потоком бежали крысы. Бежали от Бадаевских складов по направлению к порту.

– Ой, не к добру это, не к добру, – лепетала и крестилась старуха, вышедшая из соседнего двора.

Сашка схватила ошеломленную зрелищем подругу и потащила ее обратно домой.

Старуха оказалась права, через несколько дней Бадаевские продовольственные склады были разбомблены и сожжены немецкими самолетами. Было уничтожено 3 тысячи тонн муки и 700 тонн сахара. Черный дым, фиолетовые, ро-

зовые, сполохи пламени вдалеке – фантастическое зрелище, продолжавшееся несколько дней. Сашка вышла посмотреть на это с балкона соседней комнаты. Жильцы ее еще в августе уехали в эвакуацию, даже не закрыв дверь. Девочка долго вглядывалась в далекие переливы пламени, вдыхая карамельный запах жженого сахара и не заметила, как на балкон вышел сосед – Петр Петрович. Он тоже не отрываясь смотрел на пожар. Сашка заметила слезы на его глазах. Сосед смутился и указывая на зарево тихо сказал:

– То не продукты горят, это наши души пламя уносит ввысь.

Тогда Сашка его не поняла.

В этот же вечер впервые за несколько дней появился и Костя. Он был перепачкан в саже, руки красные от ожогов, но очень весел. Он записался в Учебный центр подготовки диверсионно-разведывательных отрядов. Напрямую он об этом не говорил, но Сашке удалось выведать эти сведения через маму. К тому же с пожара Костик принес еще теплое ведро, наполненное коричневатой жижей – жженым сахаром. Брат дежурил в оцеплении, когда от складов прямо по дороге начала течь эта сладкая жидкость. Не смотря, на то, что в ведро попала и земля с песком, это была знатная добыча.

– Растворим, профильтруем и будем пить вместо кофе целый год, – воскликнула Сашка.

Она ошибалась "кофе" кончился гораздо быстрее – после пожара выдачу хлеба сократили еще больше. На два кило-

грамма жженого сахара мама выменяла для Костика теплое нательное белье и свитер.

– Ты как только сможешь, сразу же напиши нам, – просила Марина Сергеевна провожая сына.

– Мама, ты не беспокойся, как только разрешат, я сразу и напишу.

Сашку так и подмывало, подковырнуть брата сказав: "В этот раз тебя тоже сразу домой отправят или все-таки чему-то поучат?", но она благоразумно промолчала, чинно поцеловав брата в щеку.

Ленинград был в полной блокаде. Участились налеты и артобстрелы. С каждым днем становилось все холоднее. Кондрашovy переселились в одну комнату, в которой установили печку-буржуйку. Стекла в окне были выбиты во время авианалета, поэтому окно занавесили старым одеялом. Перед переселением Сашка тщательно сантиметр за сантиметром обыскала свои и пустующие соседские комнаты, на предмет поисков съестного. Ей удалось найти засохшее яблоко, такую же морковку, кусочек бублика и конфету-ириску. Из этих продуктов и нескольких грамм желатина ей удалось сварить желе на ужин всей семье. Получилось неплохо.

– Такая маленькая, а уже хозяйюшка! – хвалила Сашку мама.

– Я вот немного декстрина принесла. Мы из него на почте клей делаем. Может тоже, пустим его в пищу?

– Конечно, можно. Декстрин прекрасно усваивается орга-

низмом. Мы сейчас над разными пищевыми добавками работаем, это очень важно для обороны.

– Неужели хлеб стал таким не вкусным, из-за того, что в него добавляют опилки? – спросила Сашка.

– Опилки в хлеб никто не подмешивает. Сейчас планируют добавлять в тесто пищевую целлюлозу и хлопковый жмых по 10 процентов. Но пока еще не добавляли.

– Значит, хлеб станет еще хуже?

– Мы его тестировали, есть можно. Кстати мы в лаборатории экспериментировали с соевой мукой, молочной сывороткой и техническим альбумином и получили колбасный продукт. Руководство одобрило наш проект и меня премировали двумястами граммами альбуминовой колбасы. Так что утром будем пировать. На завтрак к нашему "кофе", будут и бутерброды. Колбаса была вполне съедобной, но это капля в море.

Глава 9

Сашке насколько могла, тоже вносила свой вклад в добычу продуктов. На чердаке нашла пачку казеина, а это почти чистый белок. Выпросила у Зинки бутылочки со старыми лекарствами и путем возгонки получала из них сахар и глицерин. Несколько раз ей удавалось выступить с химическими опытами перед детьми в детских домах. О выступлениях этих договаривалась пионервожатая. Сашка показывала опыты с "фараоновыми змеями".

Надев чалму с маминой брошкой и накинув платок, Сашка становилась химическим чародеем. Таинственным голосом, чуть завывая, она произносила:

– Пророк Моисей, исчерпав все доводы в споре с фараоном, совершил чудо, превратив жезл в извивающуюся змею...

Девочка подносит к пламени спиртовки таблетку глюконата кальция, из которой ползет огромный червяк. Малыши поражены. Потом Сашка демонстрирует работу химического вулкана. А после показывает, как пару капель глицерина добавленные к хозяйственному мылу позволяют выдувать огромные переливающиеся пузыри. Дети в восторге хлопают.

Обычно после выступления артистов кормят. Чаще всего это микроскопическая порция перловой каши. Но и за это

спасибо. Сашка берет с собой мыльницу и половину полученного угощения забирает домой – угостить маму и тетю.

Но сегодня после выступления она не принесла ничего. Дело в том, что вместе с ней выступал клоун с дрессированными животными. Громкое название, а на самом деле, это был старый тощий дядька с двумя маленькими собачками. Заведующая детдомом видимо не рассчитывала, что выступающих будет двое. Без того маленькую порцию пришлось делить на двоих. Клоун вздохнул и отдал всю свою кашу собачкам. Сашка чуть помедлила и поступила так же.

Возвращаясь домой, девочка подумала, что давно уже на улицах города не видела, ни кошки, ни собаки. Зато все больше стало появляться людей сначала с колясками, а теперь с саночками. Каждый из них везет что-то длинное, завернутое в полотно. Чаще всего они двигались в сторону кладбища. Еще страшнее встретить машину, из которой беспорядочно торчат руки и ноги умерших людей. Машина подскакивает на ухабах и такое впечатление, что они весело машут руками и ногами, исполняя дикий танец смерти.

13 ноября норма хлеба для детей стала 150 грамм. Марина Сергеевна с тоской смотрела на исхудавшую дочь.

– Ты главное съдай порцию как можно медленнее. Ни в коем случае не спеши. И воды много не пей – от нее опухнешь.

– Хорошо, – коротко согласилась Сашка.

Сил разговаривать у нее не было.

Кольцо блокады сжималось. 20 ноября норма хлеба для детей, служащих и иждивенцев стала 125 грамм. Резко возросло количество умерших от истощения. Вслед за собаками, исчезли голуби и даже воробьи.

Теперь Сашка чуть оживает только во время приема пищи. За день это два раза – утром и вечером. Карточки по жирам в ноябре не отоваривались, но два раза в день она варит суп. Кроме хлеба в суп добавляют столярный клей. Тетя Люся принесла его с работы, это большой дефицит, расходовать для супа его надо крайне экономно. В суп добавлялось несколько ложек льняного масла, полученного из строительной олифы. Дома для очистки олифы не было нужных реагентов, и Марина Сергеевна раз в неделю брала с собой на работу двухсот граммовую бутылочку олифы, чтобы вечером принести сто пятьдесят грамм очищенного льняного масла. Если прибавить к этой смеси чуть уксуса, лавровый лист и горчичного порошка, то вполне съедобно.

Но чтобы варить суп, нужна вода. Водопровод в доме не работает, нужно ходить и набирать воду в Неве. Так добывают воду большинство ленинградцев, склоны скользкие, арт-обстрелы, бомбежки – не всем с водой удастся добраться до дома. Но Кондрашовым повезло – заработала уличная колонка, которая в соседнем дворе. Говорят, что эта колонка работает потому, что рядом фабрика и туда качают воду насосами прямо из Невы. Насосы эти установлены на вмерзших в речной лед двух подводных лодках. Каждый день Саш-

ка собирается сходить на Неву и посмотреть на эти подводные лодки, но не получается. После того как отстоишь очередь и ведро наполнится водой, сил с трудом хватает, чтобы дойти до дома. Самый большой подвиг это поднять ведро не расплескав наверх. Поднять по обледеневшим ступенькам, осторожно чтобы не споткнуться. Тем более, что несешь два ведра. Почему два? Одно с водой, а второе для нечистот. Канализация тоже не работает. Когда идешь за водой – берешь с собой и ведро с нечистотами. Все вываливается прямо во дворе. Идешь за водой, а пустое помойное ведро дожидается тебя во дворе. И вот когда все доставлено в квартиру, можно полчаса отдохнуть. Как? Просто рухнув в одежде на кровать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.